

Марина Цветаева

* * *

Любовь! Любовь! И в судорогах, и в гробе
Насторожусь — прельщусь — смущусь — рванусь.
О милая! — Ни в гробовом сугробе,
Ни в облачном с тобою не прошусь.

И не на то мне пара крыл прекрасных
Дана, чтоб на сердце держать пуды.
Спелёнутых, безглазых и безгласных
Я не умножу жалкой слободы.

Нет, выпростаю руки! — Стан упругий
Единым взмахом из твоих пелён
— Смерть — выбью! Вёрст на тысячу в округе
Растоплены снега и лес спалён.

И если всё ж — плеча, крыла, колена
Сжав — на погост дала себя увести, —
То лишь затем, чтобы смеясь над тленом,
Стихом восстать — иль розаном расцвести!

Около 28 ноября 1920

Marina Tsvetaeva

* * *

Love! Precious love! And from the deathbed silence
I'll come alive – allured – abashed – alight.
O, sweetheart! Even in a grave asylum,
And in Elysium we'll stay allied.

And do indeed I have this pair of priceless
Strong wings – to hold a bushel on my heart?
The swaddled folks, the voiceless ones, and eyeless –
I will not play their miserable part.

Oh, no! I'll free my elbows, in a bout
My springy torso from your cradle board –
Death – rescue! For a hundred miles about
The snow is melted and the forest burned.

And if I've – squeezing tight knees, pinions, shoulders –
Allowed the hearse consign myself away,
That's only so as to, defying coldness,
Arise in verse – or in a rose awake!

c. November 28, 1920